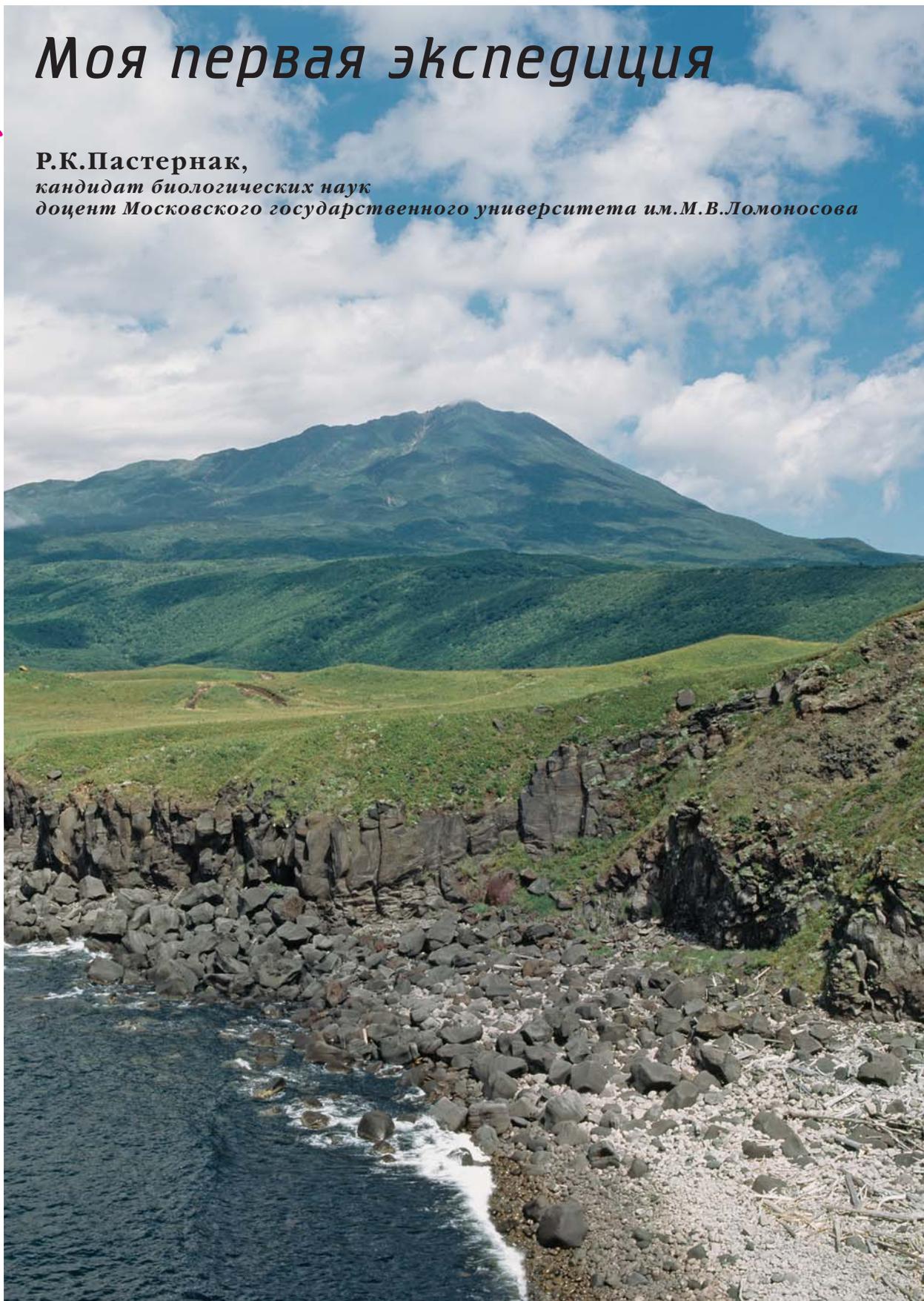

Моя первая экспедиция

Р.К.Пастернак,

кандидат биологических наук

доцент Московского государственного университета им.М.В.Ломоносова

Курило-Сахалинская экспедиция была организована в 1947 г. Зоологическим институтом АН СССР для изучения кормовой базы рыб Дальнего Востока. Возглавлял ее известный ихтиолог, ленинградский профессор Георгий Устинович Линдберг, и экспедиционный состав формировался из ленинградцев (естественно, из ЗИНа и ЛГУ). Для москвичей осталось всего шесть мест, два из которых заняли начальники отрядов — Олег Борисович Мокиевский из Института океанологии АН СССР и Кирилл Александрович Воскресенский, ассистент кафедры зоологии беспозвоночных Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. В мае того года я заканчивала третий курс биофака МГУ, и, поскольку два предыдущих летних сезона работала на Белом море под началом Воскресенского (по теме его кандидатской диссертации), он предложил мне принять участие в экспедиции на Дальний Восток. Естественно, я была в восторге от такого предложения. Но оказаться в составе экспедиции было не так-то просто. Мест всего четыре, желающих много, и предпочтение отдавалось мужчинам. Подумав, я решила обратиться за помощью к заведующему кафедрой физкультуры МГУ, поскольку уже три года играла в первой женской волейбольной команде университета. В характеристике мне написали, что я хорошая спортсменка (первый разряд по волейболу, кандидат в мастера спорта), вынослива и вполне подхожу для экспедиции. Затем Воскресенский отправил меня к Ивану Дмитриевичу Папанину, тогда заведующему экспедиционным флотом АН СССР. Изложила свою просьбу, а он мне говорит: «Ну куда ты такая тощая, как селедка, собралась в океан!» (Папанин, невзирая на возраст и чины, ко всем обращался на ты). Помню, я ответила ему в тон: «И. Д., обещаю вернуться толстой, как

бочка». Свое обещание я почти выполнила, поправившись за время экспедиции на 12 кг.

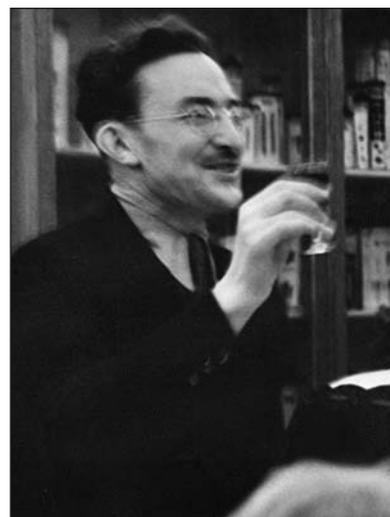
Отъезд во Владивосток наметили на первые дни июня. Начались сборы, отнимавшие много времени, а мне еще предстояло сдать два экзамена — политэкономии и физиологию растений. Первый я сдала, на подготовку второго времени не оставалось, а именно его мне хотелось сдать как можно лучше. Курс физиологии растений нам читал профессор Дмитрий Анатольевич Сабинин, его лекции вызывали большой интерес студентов не только ботанических, но и других кафедр; мы все его очень любили. Воскресенский, видя мое состояние, отвел меня в Ботанический корпус старого здания университета, где находилась квартира Сабинина. Профессор перелистал мою зачетку, поставил «5», я поблагодарила и пообещала по возвращении сразу же прийти сдавать экзамен. Единственная книга, которую я взяла с собой в рейс, был учебник по физиологии растений. Из-за происшествий, которые постоянно случались с нашим отрядом, мы опоздали к началу занятий: я на 2 недели, а второкурсники и Воскресенский — на 1.5 мес. Когда я пришла к Дмитрию Анатольевичу (я очень волновалась — не хотелось ударить в грязь лицом), он неожиданно сказал: «А давайте лучше поьем с вами чай с вареньем, у меня есть отличное варенье, а вы расскажете об экспедиции».

Дальнейшая судьба Сабинина сложилась трагически. 4 ноября 1947 г., в связи с происходящей дискуссией о внутривидовой борьбе у животных и растений, на заседании ученого совета биофака МГУ были заслушаны доклады академика И. И. Шмальгаузена, профессоров А. Н. Формозова и Д. А. Сабинина*, а после августовской сессии ВАСХНИЛ, посвященной положению в биологической на-

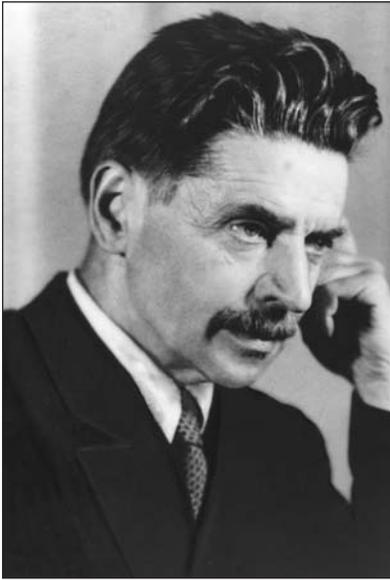
И. Д. Папанин — заведующий экспедиционным флотом АН СССР.

уке, начались массовые увольнения. С биофака изгнали всеми любимого декана С. Д. Юдинцева и всех трех вышеупомянутых докладчиков. Шмальгаузен и Формозов помимо преподавания на биофаке работали в Академии наук СССР, а Юдинцев и Сабинин остались без работы. Найти ее при сложившихся тогда обстоятельствах было весьма затруднительно. Спасибо Папанину, устроившему Сабинина на работу в Черноморский фи-

К. А. Воскресенский на кафедре зоологии беспозвоночных биофака МГУ. 50-е годы.

Вести из экспедиций

Д.А.Сабинин.

Фото из архива «Природы»

лиал Института океанологии АН СССР (Голубая бухта). Юдинцева не побоялся взять Г.Ф.Гаузе в руководимый им Институт по изысканию новых антибиотиков АМН. На биофаке пострадали и некоторые студенты. Так, группу студентов-генетиков нашего курса оставили на второй год, надеясь, видимо, переучить этих «вейсманистов-морганистов». Из этого, конечно, ничего не вышло — нас неплохо учили до прихода лысенковцев. Студентку Е.А.Ляпунову исключили из комсомола за организацию домашнего кружка по изучению классической генетики (позднее ее восстановили).

В последний раз я видела Сабинина в 1951 г. Будучи сотрудником Океанографического института, летом я работала на Новороссийской биологической станции. Принадлежащее станции судно «Форель» должно было зайти в Голубую бухту, и я попросила взять меня на борт, чтобы навестить Дмитрия Анатольевича. Жил он в одном из небольших домиков, построенных для сотрудников станции. Мы сидели в его библиотеке и разговаривали о жизни на биофаке до и после сессии ВАСХНИЛ. Профессор был грустен — очень

тосковал по педагогической работе, отправлял свое резюме в разные вузы, но согласия нигде не получил. Вскоре после ухода «Форели» Сабинина не стало — он покончил с собой, выстрелив себе в рот из охотничьего ружья.

Но вернемся к нашей экспедиции. В Курильский отряд (во главе с Воскресенским) вошли ихтиолог из Ленинграда Е.П.Рутенберг, студенты биофака ЛГУ В.С.Короткевич, О.А.Скарлато (будущий член-корреспондент и директор ЗИНа) и москвичи: окончивший первый курс А.В.Трубецкой и я, Р.К.Кудинова (в замужестве Пастернак). Перед отъездом нам выдали брюки-клевш, тельняшки, береты и форменки (а начальнику отряда — китель). Это было только подобие морской формы, и тем не менее во Владивостоке нас однажды остановил морской патруль и попросил предъявить документы.

В поезде №6 Москва—Владивосток нам выделили отдельный вагон, поскольку мы везли оборудование для биологических работ (тралы, дночерпатели, батометры, планктонные сети и т.п.). В те годы поезд до Владивостока шел 11 суток! Старшим в поезде назначили преподавателя ЛГУ В.Л.Вагина. Он был с нами суров, носил морской китель, во рту неизменная трубка. Сразу же организовал вахту у входа в вагон, вахтенные сменялись по слямкам. Путешествие было очень интересным. После европейской части страны поезд шел через Урал, Западную Сибирь, проходил у самого берега оз.Байкал, через Забайкалье, Биробиджан и Уссурийский край. Как-то, когда мы любовались горами Урала, Андрей Трубецкой предложил мне и супругам Тамаре и Игорю Забелиным (студентам геофака МГУ) влезть на крышу вагона и отсюда любоваться природой. Мы с радостью согласились и часть пути так и проехали, сидя на крыше, пока нас не обнаружил Вагин. Больше всех попало Андрею как са-

мому старшему (он поступил на биофак после армии).

Из Владивостока нас отправили в г.Корсаков (Южный Сахалин) — ждать прихода судов. Участников экспедиции разделили на три отряда — Сахалинский, Охотоморский и Курильский. Первым пришел тральщик «Топорок», и большая часть экспедиции во главе с Линдбергом ушла в море. Вслед за этим пришло небольшое судно «Охотск» за отрядом Мокиевского. Предназначенный нашему Курильскому отряду рыболовецкий сейнер задерживался. Нас поселили в небольшом поселке Тобути (восточнее Корсакова) на берегу большой лагуны, соединяющейся протоком с Анивским заливом. В Тобути уже работала береговая группа Сахалинского отряда под руководством известного ленинградского гидробиолога Е.Ф.Гурьяновой (она любила, чтобы ее называли Асей Федоровной). Она знакомила нас, студентов, с литоральной фауной. Вспоминаю, как она командовала: «Руки назад!» и затем вкладывала нам в ладони раковины моллюсков и требовала, чтобы мы их определили на ощупь.

С удовольствием купались, особенно по вечерам, когда хорошо видно свечение моря (Воскресенский не разрешал выходить поздно из дома, запирали дверь на ключ, но мы вылезали через форточку). Плынешь и видишь светящиеся контуры своих рук, а на берегу по телу сбегает светящиеся струйки воды.

В то время на острове еще оставалось много японцев. С некоторыми мы познакомились и вместе ловили креветок. Обычно перед обедом (суп из тушенки и каша) на стол ставилась плетеная корзина с креветками и кюветы с горбушей слабого посола. В рыбе мы недостатка не испытывали, поскольку Воскресенский еще во Владивостоке получил в какой-то высокой организации бумагу, обращенную ко всем партийным и хозяйственным органи-

зациям, в которой предписывалось помимо оказания всяческой помощи обеспечивать группу «академиков» (именно так напечатала секретарь) рыбопродукцией. Мы тогда долго смеялись — ведь самому старшему из нас, Рутенбергу, было всего 35 лет! Полученной бумагой Андрей пользовался в течение всего рейса, всегда возвращаясь с ящиком рыбы. Времена были нелегкие, в стране еще сохранилась карточная система на продовольствие. Мы получили карточки моряков с увеличенной нормой — для тех, кто плавает на Дальнем Востоке.

Наконец, пришел наш сейнер «Вест» (водоизмещение 200 т, длина 16 м, ширина 5 м). Команда состояла из девяти человек: капитан, его помощник, два механика (старшему 18 лет, младшему 17) и пять матросов, из которых четыре — японцы. Из них только самый младший, Сато-сан, хоть плохо, но говорил по-русски.

Воскресенский и Трубецкой отправились на сейнере в Корсаков для девиации компаса, заправки горючим и получения «добра» на выход в море. Проверка судна показала, что не в порядке сигнальные огни (команда обещала починить их в море) и не хватает плавсредств. Их в порту не было, надо было дожидаться доставки. Между тем мы уже сильно запаздывали с выходом в рейс (и значит, к началу занятий). В Корсакове начальник порта (он же и регистр) заявил, что, как регистр, он нас выпустить не может, но если мы не будем качать права (насчет плавсредств), то, как начальник порта, он даст добро на выход в море. Решено было выходить.

Уже при отходе от пирса «Вест» сел на мель. С помощью грузовика и бревна его удалось столкнуть с мели. Придя в Тобути, погрузили имущество, справили отвальную и наконец отправились в рейс. Но снова не обошлось без происшествия. Увлекаемые сильным отливным

течением, мы быстро шли по протоке, когда пограничники стали требовать вернуться на берег. Капитан кричал в мегафон, что у нас есть «добро» на выход, но по судну начали стрелять. Капитан стал разворачивать сейнер, что сделать в узкой протоке и при сильном течении очень нелегко. Вдруг пограничники успокоились (возможно, дозвонились до заставы), и мы продолжили движение.

Сейнер направился на юг к Курильским о-вам. Когда мы подходили к о.Итуруп, увидели стадо китов очень близко от нас (около 300 м). Шли вдоль берега острова и высматривали место, чтобы пополнить запасы пресной воды (наша команда перед выходом в море забыла это сделать!). Увидев на берегу маленький домик, встали на якорь, и мужчины, захватив бочку, в шлюпке отправились за водой. Оказалось, что это пограничный пост с четырьмя пограничниками. Они нам очень обрадовались, так как очень давно не видели ни одного русского человека. Помогли наполнить бочку водой, подарили ведро свежей форели и, когда мы уходили, сопровождали нас на шлюпке и долго махали руками.

Прежде чем начать работать, мы должны были зайти на о.Шикотан и на организованной для нас береговой базе оставить собранный на Южном Сахалине материал и кое-какое оборудование. Мы вышли из Южно-Курильска (где ночевали) днем и по расчетам к вечеру должны были подойти к Шикотану. Стало темнеть, а земли не видно. Наполз туман. Трубецкой и Скарлато опустили лот, надеясь, что, если земля близко, зафиксируют небольшую глубину, но, увы, дна не достали. Воскресенский, решив меня подразнить, сказал: «Роза, как я помню, вы хотели романтики? Пожалуйста — земли нет, пресной воды нет и на борту туземцы». Я ответила: «А я разве жалуясь?». Туман стал очень густым, а волны круче, и мы предположили, что

О.А.Скарлато. 1947 г.

сейнер проскочил мимо острова в океан. Капитан приказал лечь в дрейф, и все разошлись по кубрикам. Утром, когда туман еще не рассеялся, капитан попросил самого старого и самого опытного японца («старикка», как называл его Сато-сан) определить, в каком направлении нам надо идти. Японец в куртке с иероглифами на спине и повязкой на лбу встал на носу сейнера и долго смотрел вокруг, на небо (наверное, наблюдал за полетом птиц) и в конце концов рукой показал, куда следует двигаться. Мы пошли, туман стал понемногу рассеиваться, и через какое-то время мы увидели берег Шикотана. Выяснилось, что капитан, прокладывая курс с помощью транспортира, ошибся на 20°!

К этому времени мы уже поняли, что выделили нам, мягко говоря, не самый лучший сейнер. Он постоянно ломался, а мальчишки-механики имели мало опыта. Вся команда — типичные каботажники, не имеющие опыта работы в открытом море. Капитан плохо пеленговался, и в дальнейшем Воскресенский и Трубецкой стали ему помогать.

Команда, отоварив свои продуктовые карточки, быстро съе-

дала все самое вкусное, а потом ела одну кашу и соленую рыбу из своих запасов. Питаться вместе с нами они отказались. Пришлось готовить еду самим. Стоишь за ручной лебедкой, а на камбузе варится каша. Верному Сато-сану надо покричать: «Мешай-мешай» или «Мешай-мешай нет» — так он лучше понимал.

Итак, мы подошли к Шикотану. Наша база находилась на его восточном берегу, в небольшой и очень живописной бухте с множеством торчащих из воды скал весьма причудливой формы (всю прелесть этого места я оценила позднее). Осмотрев базу и выгрузив все необходимое, мы отправились к месту нашей первой станции. При сборе фауны на карте проводят линии (разрезы), на которых отмечают точки, где следует взять пробы. Наши разрезы располагались вдоль Малой Курильской гряды.

Несколько разрезов проложили в море Неморо, которое совсем близко от о.Хоккайдо. В бинокль можно было разглядеть дома маленького японского городка и бегущие паровозики. Сато-сан рассказывал, что знает случаи, когда рыбаки-японцы навещали своих родственников на Хоккайдо и возвращались обратно на Курилы, не замеченные пограничниками. Нас это не

особенно удивило. Море Неморо славится своими туманами. Временами казалось, что в воздухе висит вата. И японцам, при небольшом опыте и знании этих мест, легко было остаться незамеченными. По этому поводу мы шутили, что когда наши матросы-японцы сделают нам «ходи-ходи Хоккайдо», то возвращаться домой нам придется с помощью В.М.Молотова.

В один из вечеров, работая вблизи пос.Шикотан, мы решили всем отрядом пойти в кино. К нам присоединилась и часть команды. Посмотрев комедийный фильм, в хорошем настроении мы отправились на берег и стали кричать, чтобы вахтенный прислал шлюпку. Ответа не было — видно, на судне все крепко спали. Тогда мы отвязали японскую лодку (с одним изогнутым веслом на корме), и все как-то разместились, а Воскресенский, вошедший последним, решил устроиться посередине лодки, но ему мешал какой-то кол. Он его выдернул и выбросил за борт. Точас со дна забил фонтан священной воды. Кол японцы использовали как кингстон, чтобы сливать воду из лодки. Громко смеясь, промокшие, мы выбрались на берег.

Однажды утром, когда мы шли вдоль островов Малой Курильской гряды, раздался толчок, и я услышала, что машину остановили. Когда я с некоторым трудом преодолела трап, ведущий на палубу, то обнаружила, что сейнер лежит на боку с задранном сверху носом. Мы сели на мель, которая была обозначена на карте, но наш капитан этого не заметил. Команда отправилась на ближайший остров за помощью, но он оказался безлюден. Держась за фальш-борт, я сползла в воду, где уже были остальные. Кто-то чистил зубы, кто-то решил поплавать. Всем было весело. Воскресенский собрал отряд, стали думать, что нам предпринять. Рутенберг предложил запускать ракеты, остальные были против, решив, что в этом районе

встреча с каким-либо судном маловероятна, да и ракет у нас было мало — лучше поберечь их для более серьезного случая. Рассчитывали, что, поскольку мы сели на мель в начале отлива, прилив должен вернуть сейнер в нормальное положение. Действительно, прилив выпрямил судно, но с мели сойти не удалось. Тогда придумали бросать якорь и подтягиваться к нему. Маневр удался. Нам повезло, что был полный штиль, при сильном ветре все могло кончиться плохо.

За рейс накопились пробы морской воды, и, чтобы избавиться от лишнего груза, надо было провести титрование для определения солёности. Решили оставить меня на базе дней на 8—10. Поселили меня в самом заметном доме поселка (бывшей гостинице для рыбаков) в японскую семью, состоявшую из хозяйки и девяти ее детей — девушки 21 года и восьми мальчишек, самому младшему из которых было 7 лет. Все свои продукты я выложила хозяйке: решено, что питаться будем вместе. Младшие мальчишки, видя, как плохо я управляюсь с палочками, хихикали. Тогда хозяйка отыскала для меня ложку, и я, подмигнув япончатам (мол, посмотрим, кто теперь быстрее съест рис!), принялась за еду. Было очень интересно жить в настоящем японском доме, в поселке, где не было ни одного русского. Стены комнат раздвигались в стороны, пол выстлан толстыми матами. На стенах — длинные картины, заканчивающиеся толстыми деревянными палочками; вокруг низенькие столики, лакированные подносы, японская посуда. В доме имелось банное помещение, где посредине стоял огромный котел, а по стенам лавки с тазиками. Сначала все моются, сидя на лавках, а затем чистыми барахтаются в котле. Мужчины и женщины моются вместе. Вечером, когда происходило мытье, я заранее сдвигала стенки своей комнаты, так

Р.К.Кудинова. 1947 г.

как по коридору шествовали голые домочадцы.

Находясь среди японцев, надо было как-то общаться. Поскольку Сато-сан был нашим постоянным палубным помощником, я выучила примерно 50 японских слов, хозяйка дома знала чуть меньше русских, и, как дополнение, в ход шли рисунки и жесты. Встречаясь с японцами в поселке, я, как положено, кланялась, сложив вместе ладони.

За время нашего рейса можно было бы сделать много интересных снимков, но, увы, нам запрещалось иметь фотоаппараты из-за работы в пограничной зоне. На память остались фотографии отряда, сделанная во Владивостоке, и московские снимки, на которых Тамара Забелина и я, облачившись в настоящие кимоно и с зонтиками в руках (все было куплено на Южном Сахалине), изображаем японок.

Закончив титровать, я в ожидании сейнера осмотрела, наконец, поселок, берега бухты, и стала бродить в ее окрестностях. Поселок мне очень понравился, чистый, с аккуратными домиками. Через речушку и даже небольшой ручеек переброшены каменные горбатые мостики. Тропинки посыпаны битым красным кирпичом. Бухта окружена невысокими горами с крутыми склонами, покрытыми зеленью. Вид сверху поражал своей красотой.

Тем временем погода стала портиться, явно надвигался шторм. «Вест» показался на траверзе бухты, мне издали помахали чем-то белым, я ответила. Заходить в бухту даже при небольшом волнении было опасно из-за торчащих из воды скал. Сейнер ушел, как выяснилось позже, на расположенный всего в 3 км от нашей базы бывший японский маяк. Когда перестало штормить, за мной прислали шлюпку. Погрузив имущество и тепло попрощавшись с японским семейством, в котором я прожила 14 дней, пошли вдоль берега на маяк. А там уже вовсю

«Настоящие» японки Т.Забелина и Р.Кудинова. Москва. 1949 г.

шла подготовка к празднованию Дня победы над Японией и к нашей отважной. Моряки обрадовались нашему появлению, приготовили много вкусного и даже испекли пирог.

На маяке была отличная баня, и мне предложили этим воспользоваться. Дверь в баню не заперлась, но меня заверили, что все уже вымылись и никто не войдет. Но только я успела намылить голову, как отворилась дверь и вошел старый японец (бывший служитель маяка). Не обращая на меня никакого внимания, стал расставлять принесенные с собой в тазике разные баночки и щеточки. В ужасе, прикрываясь шайкой, я пыталась спрятаться за лавкой. Обнаружив меня, японец с досадой махнул рукой, аккуратно собрал все принесенное в тазик и удалился. Конечно, я обидела старого человека. Ведь я знала об общих банях в Японии, и надо было спокойно продолжать мыться, но я, увы, не смогла. Вечером на нашей отважной много шутили на банную тему.

Утром вышли в море. Когда проходили под берегом, под маяком, моряки нам долго семафорили, наверное, желали доброго пути. Прежде чем идти во Владивосток, нужно было зайти в порт Невельск (западный бе-

рег Сахалина), куда был приписан наш сейнер. Дошли благополучно, но тут начало штормить — выход задерживался. Воскресенский теревил портовое начальство, понимая, что мы опаздываем к началу занятий. В конце концов нас выпустили при еще не стихшем ветре, а к вечеру разразился сильнейший шторм. Мы провели ужасную ночь — нас выбрасывало из коек. Трубецкой потом говорил, что ему удавалось удерживаться в койке только благодаря своему росту (192 см): упирался головой и ногами в стенку.

В кормовом кубрике, где я жила, из-за сильной качки выбило несколько половиц и трюмная вода с примесью мазута катала по полу разные упавшие предметы. Картину, которую мы увидели утром, забыть невозможно. Наше маленькое суденышко лезет вверх на высокую гору (гребень волны), и когда взбирается на нее, то внизу видишь глубокую впадину, сейнер скользит вниз на ее дно, а затем снова поднимается на крутую гору. Дух захватывало, колотилось сердце. Казалось, что вот-вот мы окажемся под водой. В такой шторм я больше не попадала. На больших экспедиционных судах, таких как «Витязь» и «Академик Курчатов», ощущение

Современные виды Курильских о-вов. Последняя экспедиция Института океанологии 2010 г. Остров Итуруп: склон вулкана Баранского.

ния иные, и шторма, как я помню, были меньшей силы. Уже во Владивостоке из сводки Гидромета мы узнали, что в акватории, где мы штормовались, волнение было 12 баллов! Все очень вымотались. Особенно скверно было Воскресенскому и Скарлато, их укачивало, но всю дорогу они мужественно это переносили, теперь же лежали пластом.

Хотелось есть, а находившиеся в трюме продукты были не-

доступны. На камбузе оставалось только немного муки и соли. Трубецкой предложил сделать мучную затируху. Ему с большим трудом удалось развести огонь в плите. Вера и я в двух кастрюльках с небольшим количеством воды (иначе выплескивалось) растерли муку. Теперь надо было добраться до кубрика. Хорошо, что еще до начала шторма от борта к борту натянули канаты. Держась за них, мы ползком добрались до

кубрика. Затем надо было изловчиться и распределить еду по мискам. И даже съесть свою порцию было не так-то просто.

Утром ветер стал стихать, и мы увидели берег Приморья. В бухте Терней первыми нас встретили украинские женщины и начали причитать надо мной и Верой: «И зачем вас, таких молоденьких и таких красивеньких, несет в море!» Нас повели в столовую. Воскресенский сказал, что каждый может съесть

Остров Итуруп: вид на вулкан Богдан Хмельницкий.

Все цветные фото М.В.Флинта

или первое, или второе (он боялся заворота кишок). Чтобы подкрепить нас, принесли медуухи. В результате никто, при ясной голове, не мог нормально двигаться, и мы, все шестеро, сцепившись руками и раскачиваясь из стороны в сторону, отправились на пирс.

На следующий день собрались уходить, а мотор не заводится. Оказалось, что сели аккумуляторы. Страшно даже подумать, что бы с нами произошло,

случись это во время шторма! Завелись от стоящего рядом судна. Но дошли только до следующей бухты Тетюхе — сломался мотор. Несколько дней пытались его чинить — не удалось. Воскресенский отправил декану телеграмму о бедственном положении отряда. Там была фраза, что отряд голодает. На самом деле у нас оставались кое-какие запасы: крупа, соленая рыба и жир нерпы. В поселке раздобыли лук, морковь, картофель и капусту.

Пока шли переговоры о том, как нам добраться до Владивостока, мы с удовольствием бродили по окрестностям. Однажды переходили маленькую речку, и Трубецкой почему-то не захотел разуваться и попросил Скарлато перенести его на плечах. Утро было туманное, и трое местных мужиков, не понимая, что это такое огромное движется (рост первого 192 см, второго — 189 см), бросились наутек.

Курильский отряд экспедиции. Верхний ряд (слева направо): А.В.Трубецкой, К.А.Воскресенский, О.А.Скарлато. Нижний ряд: сотрудница ТИНРО (к сожалению, не помню имени), В.С.Короткевич, Р.К.Кудинова (Пастернак).

Наконец удалось договориться, что нас захватит идущее во Владивосток суденышко Гидрометслужбы. Достать билеты было нелегко: на запад в это время возвращались многие отсидевшие в лагерях свои 10 лет (1937—1947). С трудом достали билеты в общий вагон.

На факультете встретила декана. Сергей Дмитриевич, увидев мой цветущий вид, ткнул пальцем в мою щеку и спросил: «А это что означает?» — «Это от голода, Сергей Дмитриевич!» — «Пускай сегодня же ко мне зайдет Воскресенский», — грозно изрек де-

кан. Конечно, никаких карательных мер не последовало.

При встречах в Москве или Ленинграде мы вспоминали приключения нашего отряда, а также фразу (не помню, кем сказанную на нашей отважной, но часто повторяемую): «Мы горды тем, что мы живы». Пожалуй, правильнее было бы сказать: «Как здорово, что мы оказались на редкость везучими!». По прошествии многих лет приятно было видеть среди коллекций Зоологического института АН СССР материалы, собранные во время нашей экспедиции.

Со времени описываемой Курило-Сахалинской экспедиции прошло уже 65 лет. С тех пор радикально изменились условия работы. Морские экспедиции в нашей стране проводятся на больших научно-исследовательских судах. Первый и наиболее заметный в этом ряду — легендарный «Витязь», затем — «Академик Курчатов», «Дмитрий Менделеев», «Академик Иоффе», «Витязь-2» и другие замечательные суда. Условия жизни и работы на борту вполне комфортабельны, кормят четыре раза в день и так, что обычно к концу рейса его участники набирают лишние 3—4 кг. В 80-х годах, когда в СССР с продуктами было туговато, коки на судах старались разнообразить меню, при заходах в заграничные порты покупали фрукты (включая и столь необычные по тем временам, как ананасы, манго, папайи), вовсе неизвестные тогда в стране йогурты и т.д. Экспедиции стараются делать комплексными, в состав их входят гидрофизики, химики, метеорологи, биологи. Приборное оснащение не сравнить с описываемой экспедицией 1947 г. Основы современного технического судового обеспечения — всевозможные специальные лебедки, электронные замыкатели, розетки, лендеры, а иногда и подводные аппараты, которыми управляют с борта судна (ROV), или даже обитаемые подводные аппараты. Так что условия проведения морских экспедиций в 40—50-х годах, на маленьком сейнере, с неподготовленной командой, отбором проб с помощью механических лебедок, самостоятельным приготовлением пищи, представляются изумительной экзотикой. Однако энтузиазм и настойчивость участников таких пионерских экспедиций позволили собрать обширные фаунистические коллекции, которые до сих пор хранятся в Зоологическом институте РАН (Санкт-Петербург) и Институте океанологии (Москва). ■